

много вперед, не могу не вспомнить один эпизод уже из институтской жизни: на занятиях по физкультуре для «зачета» нужно было пройтись по буму. Я, конечно, не смогла этого сделать, и преподаватель разрешил заменить бум канатом, сказав, что «это будет гораздо труднее». Он был очень удивлен, когда я легко поднялась по канату, да еще без помощи ног, и только развел руками! Зимой мы занимались с Никитиным в физкультурном зале бывшего 1-го Кадетского корпуса на Съездовской линии Васильевского острова.

В начале августа 1934 года сборная команда нашей площадки по волейболу и легкой атлетике ездила на два дня в пионерский лагерь ОГПУ под Лугой. Если я не ошибаюсь, он был расположен в местечке Рапти.

Выехали мы, человек 15–16, днем вместе с Елизаветой Васильевной. Поезд тогда шел до Луги более четырех часов. Когда приехали, было уже темно. Нас накормили ужинком и в полной уже темноте повели ночевать на сеновал. Разместились наверху под крышей – залезали туда по высокой лестнице: с правой стороны девочки, с левой – мальчики. Долго не засыпали, все разговаривали, рассказывали всякие интересные истории и анекдоты. Рассмеется кто-нибудь один, за ним грохнет общий хохот. Заснули, наверное, часам к пяти. Конечно, не выспались, но это нам не помешало сразу же вскочить, когда стали будить. Побежали мыться, завтракать. Потом начались соревнования по бегу и прыжкам – результатов,

естественно, не помню. После обеда был тихий час (для нас опять на сеновале), по окончании которого мы играли в волейбол. Наши мальчики проиграли, девочки выиграли.

Потом мы уехали домой и вернулись уже часов в 10 вечера. На всю жизнь осталось впечатление радости и веселья. В город привезла большой огурец, который мне подарил (сорвав с лагерного огорода!) один мальчик. Он был младше меня, на длинных ножках, остроносенький, и звали его Ваней. Потом я его никогда в жизни не встречала, хотя с некоторыми ребятами из того пионерского лагеря я позднее познакомилась – они занимались разными видами спорта и бывали на стадионе.

*(продолжение
в следующем номере)*

Последний штрих. Воспоминания бывшей школьницы Ленинграда, выпускницы 1940 года

А. Г. Логинова

Шел год сороковой двадцатого столетия нашей эры.

Наше поколение, рожденное в 1921–1922 годах, заканчивало десятый класс.

В стране окончилась кратковременная война с Финляндией, породившая тайную тревогу в сердцах школьников, заканчивающих десятый класс.

Наших мальчиков, с которыми прошли десятилетний срок обучения, ожидал призыв в армию. Мы становились взрослыми. У нас появились симпатии и увлечения. Девочки собирались поступать в высшие учебные заведения.

Это был рубеж входа в жизнь взрослых. А с мальчиками предстояло роковое расставание, с одним – длительное, а с некоторыми на вечность...

Год 1940-й был в мире и стране тревожный...

Надя Короткова.
10 «Б» класс. 1940 г.

И никто из живущих не знает своей судьбы... наших мальчиков ожидал призыв в армию. Влюбленные и молодые, они были полны надежд вернуться обратно через два года. Но время и судьба решают все... Мы, девочки, были полны надежд и не предполагали трагики расставания. Молодость и детство думают, что этот прекрасный мир – для них и что так будет всегда. Наступил последний школьный рубеж – сдача экзаменов.

Второгодников не было.

После каждого экзамена, перекусив немножко, шли на Неву, на ее прекрасный берег.

Наша 28-я школа Октябрьского района Ленинграда находилась на канале Грибоедова, недалеко от Вознесенского проспекта, тогда проспекта Майорова.

Ученики 10-го класса, сдав экзамен, спешили к берегу Невы, пере-

кусив пирожками. Мы одолевали путь за 20 минут. Наша прогулка начиналась от Медного всадника и заканчивалась у Адмиралтейства.

Мы совершали эти медленные прогулки несчетное число раз в экстазе нашего общения.

Незнание судеб – это прекраснейший подарок Бога человечеству!

В числе призывников были Владимир Голубев и Алик Фролович, друзья по игре шахматы на уроках биологии.

В кабинете Биологии они сидели на последнюю парту и играли в шахматы. В кабинете, прекрасно оборудованном, заполненном экспонатами птиц и животного мира, конечно, не живыми, а чучелами.

Милая преподавательница, вовлекая нас в мир знаний, не видела этого. А мы все слушали ее внимательно при мертвой тишине. Эти верные друзья были любимы нами и нашей прекрасной воспитательницей и преподавателем истории Еленой Александровной Федоровой. На классном собрании Владимир Голубев нежно, как мать, призывал не волноваться и говорил, что мы сдадим все экзамены. Все будет хорошо. Он был искренен и успокаивал всеми нами любимую Елену Александровну. Мы знали, что у нее такого же возраста есть сын.

А Игорь Солдатов, наш поэт-сатирик и лирический тенор, бросал

Игорь Борисович Солдатов – бывший ученик нашего класса. Март 1959 г.

реплику: «У нас время рождения любви!» Этот «адвокат» после окончания Военно-морской академии стал академиком, награжденным, не помню каким, орденом.

Мы с Надей Коротковой заранее купили билеты в Мариинский театр на оперу Мусоргского «Хованщина», не зная еще о дате проведения прощального вечера в школе. Произошло совпадение. И решили, что пойдем в театр, оттуда – на

школьный бал. Это наше запоздание на школьный бал вызвало волнение у наших поклонников – Володи Голубева и Игоря Солдатова.

И мы с ней, как Чацкий с корабля на бал, появились наряженные и счастливые.

Наши кавалеры, встретив нас с упреками, подхватили нас в свои объятия и закружили в танце под музыку с пластинок.

Последним было прощальное танго, наш любимый танец. В нем пелось о любви, созвучно с нашей душой, счастливого периода юности.

Никто не знал, что этот счастливый миг не повторится, но останется в памяти на всю жизнь.

Из мальчиков нашего класса вернулись с войны 1941–1945 годов:

Альтшулер Меня,
Семен Гербин,
Николай Гусаков – инвалид войны,
Михаил Шигин,
Николай Румянцев,
Игорь Солдатов,
Герман Леонтьев.

Погибли:
Алик Фролович,
Владимир Голубев,
Анатолий Вербицкий,
Владимир Приемов,
Константин Голубков,
Владимир Мазаев.

Такова судьба нашего 10 «Б» класса 28-й средней школы Октябрьского района города Ленинграда. Судьба Игоря Яжвенского не известна.

А наши последние, предвоенного года дни на Адмиралтейской набережной для нас священны. В нашей памяти бессмертны «Алые паруса» нашего поколения.

А я своему поклоннику, Володе Голубеву, отправила в бесконечное пространство небес стих свое поэтическое признание:

ПРЕРВАННЫЙ АККОРД

*Ты не допел своих стихов,
Не доиграл этюд Шопена,
Любовь на языке богов
Пропел однажды и несмело.
И заверения в любви
От девочки со школьной парты
Не получив в разлуки дни, –
Смешались судьбы, жизней карты,
Надежды, чувства и мечты
Войной раздавлены, разбиты, –
Лишь писем стертые листы –
Следы земные – не забыты.*

10 «Б» класс школы № 28 (248) Октябрьского района Ленинграда. 1940 г.